

УДК 291.1

Матецкая Анастасия Витальевна

профессор кафедры философии религии и религиоведения,
Южный федеральный университет
tojgar@mail.ru

Беликова Наталья Юрьевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории, философии и психологии,
Кубанский государственный технологический университет
belikova2003@mail.ru

Anastasia V. Matetzkaya

Professor at the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies,
Southern Federal University
tojgar@mail.ru

Natalia Y. Belikova

Cand. Hist. Sci., Associate Professor,
Department of the History of Philosophy and Psychology,
Kuban State Technological University
belikova2003@mail.ru

Трансформация границ религии в секулярных обществах

Transformation of the boundaries of religion in secular societies

***Аннотация.** В статье рассматривается влияние альтернативных форм религиозности и духовности на социальную структуру и культуру секулярных обществ. В экономическую сферу идеи, связанные с альтернативной духовностью, проникают через новые формы менеджмента, подразумевающие использование популяризированной в рамках альтернативной духовности идеи самореализации и раскрытия личностного потенциала; через попытки формировать систему коллективных корпоративных ритуалов и мифов, якобы способствующих укреплению корпоративного духа и росту эффективности деятельности.*

***Ключевые слова:** религия, современность, секуляризация, социолокультурная дифференциация, альтернативная духовность, модернизация, десекуляризация.*

***Abstract.** The article considers the influence of alternative forms of religiousness and spirituality on the social structure and culture of secular societies. In the economic sphere, ideas related to alternative spirituality penetrate through new forms of management, involving the use of the idea of self-realization popularized within the framework of alternative spirituality and the disclosure of personal potential, through attempts to form a system of collective corporate rituals*

and myths, allegedly contributing to strengthening the corporate spirit and increasing the efficiency of activities.

Key words: *religion, modernity, secularization, sociocultural differentiation, alternative spirituality, modernization, desecularization.*

Концепция секуляризации долгое время оставалась теоретической рамкой для осмысления религиозной динамики модерна. В то же время, в данном случае термин «концепция» или «теория» носит, в некотором роде, условный характер, поскольку представления о секуляризации представляли собой комплекс разнообразных подходов, не всегда совпадающих. В связи с этим, Д. Мартин предлагал говорить о «парадигме секуляризации».

Анализируя основное содержание различных подходов к секуляризации, П. Хилас и Л. Вудхед [1] выделили четыре основные составляющие этого теоретического комплекса, обозначив их как тезисы исчезновения, дифференциации, ослабления (*the de-intensification thesis*) и сосуществования.

Первый тезис подразумевал убежденность многих представителей секуляризационной парадигмы в неизбежном исчезновении религии в ходе процесса модернизации. Эта точка зрения преобладала в работах классиков социологии религии – Э. Дюркгейма и М. Вебера, была характерна уже для О. Конта. Однако на этом этапе еще не сложилось какой-либо теории секуляризации, это произошло позже, во второй половине XX века. Согласно К. Добеллеру, современные теории секуляризации основывались на идеях Дюркгейма о социокультурной дифференциации, тезисе Вебера о рационализации и различении «общины» и «общества» Ф. Тенниса.

Второй тезис подразумевает сокращение роли религии в обществе в результате процесса социокультурной дифференциации. В современных обществах религия превращается в отдельный институт и отделяется от других социальных институтов [2]. Благодаря этому, религия теряет свое культурное и социальное значение, она больше не является мировоззренческим монополистом, не имеет возможности опираться на механизмы политической власти для поддержания своего реального и символического господства. Возникает и развивается светская культура, светская мораль, светское искусство, само разделение светского и религиозного, формирование современных представлений о религии как обособленном отдельном феномене является результатом этих процессов.

Однако социокультурная дифференциация не приводит к исчезновению религии. Религия продолжает существовать в своей отделенности, она сохраняет определенное значение в частной жизни индивидов, потому рассуждения о секуляризации во второй половине XX века сопровождаются анализом «приватизации религии», появления таких феноменов как «невидимая религия» (Т. Лукман) и т.д. Третий и четвертый тезисы, в сущности, основаны именно на осознании сохранения присутствия религии в современных обществах, но в значительно ослабленной форме.

Общим основанием всех перечисленных подходов была убежденность их представителей в том, что религия в современных обществах теряет свои позиции, разногласия были связаны с оценкой степени и перспектив этого процесса.

В то же время, различные концепции секуляризации вызывали критику, начиная с 60-х гг. XX в., хотя долгое время эта критика не могла существенно поколебать позиции секуляризационной парадигмы. Однако «религиозное возрождение», произошедшее в западных обществах и за их пределами в последние десятилетия XX века, привело к ослаблению её влияния.

Один из наиболее влиятельных представителей секуляризационной парадигмы П. Бергер [3] заявил о «десекуляризации» и о том, что «мир остается столь же жаростно религиозным, как и прежде». С другой стороны, Ю. Хабермас предложил понятие постсекулярного общества, которое, не отрицая реальности секуляризационных процессов, по крайней мере, в западных обществах, всё же подразумевало существенное переосмысление статуса и роли религии в них.

Критика не означает, что парадигма секуляризации полностью отвергнута – это было бы сложно сделать, учитывая реальную ситуацию в обществах, где процесс секуляризации имел место. Современные теории секуляризации предполагают различные уровни анализа этого процесса и, как правило, избегают однозначных выводов. Так, Добеллер [4], следуя сложившейся традиции анализа уровней социальной реальности, различает социетальный (макроуровень), организационный (мезоуровень) и индивидуальный (микроуровень), каждому из которых соответствуют различные проявления секуляризации.

На макроуровне в результате упомянутого выше процесса социокультурной дифференциации осуществляется обособление религии от других социальных институтов, в частности, формируется светское государство. На мезоуровне различные религиозные организации вынуждены каким-то образом приспосабливаться к процессам, осуществляемым на макроуровне, в связи с этим можно вспомнить идеи представителей «новой парадигмы социологии религии» о религиозной конкуренции в секулярных обществах, на микроуровне осуществляется процесс индивидуализации религии, когда религиозные убеждения становятся частным делом человека и отделяются от его социальных ролей, осуществляемых в публичной сфере. В некоторых случаях, сама демонстрация религиозной приверженности может восприниматься как некая форма девиации [5].

Д. Казанова [6], также, выделяет несколько аспектов теорий секуляризации. Для него основным является социокультурная дифференциация, приводящая к отделению религии от других институтов, причем сам факт этого отделения не может быть подвергнут сомнению. В то же время, такие аспекты секуляризационных теорий как упадок и приватизация религии рассматриваются им как не столь очевидные.

Можно сказать, что при всей критике секуляризационной парадигмы и попытках более точного анализа процесса секуляризации, одна из её

составляющих сохраняет прежнюю убедительность. Это - признание того факта, что в результате процесса социокультурной дифференциации религия оказалась отделенной и обособленной от прочих социальных сфер [7]. По большей части, это действительно так, по крайней мере, в тех обществах, где процесс секуляризации осуществился. Однако как показывают события второй половины XX – нач. XXI вв., этот процесс, в той или иной степени, обратим, причем формы «десекуляризации» могут быть различными – в зависимости от самого характера предшествующих изменений.

Одним из проявлений десекуляризационных тенденций является размывание границы между религией и другими сферами социальной жизни – то есть, как раз процесс, обратный социокультурной дифференциации, приведшей в эпоху современности к появлению этих «границ».

В обществах с разным религиозным наследием и в разной степени затронутых секуляризацией этот процесс осуществляется неодинаково. В исламских обществах можно наблюдать превращение религии в политическую идеологию, в связи с чем, новое значение приобретает понятие «политической религии», раньше применявшееся к светским идеологиям, нацеленным на тотальный мировоззренческий контроль и мировоззренческую монополию, которые должны были обеспечить радикальное преобразование человека и общества. Сегодня о политических религиях зачастую говорят применительно к традиционным религиям, которые превратились в орудие политической борьбы.

Это характерно не только для политизированного ислама, который, в первую очередь, вспоминается как пример данного процесса, но и для индуизма, становящегося идеологией индийского национализма, в какой-то степени – для российского православия. Целый ряд российских исследователей отмечают факт политизации, сближения российского православия с феноменом «гражданской религии», сакрализацию политических персонажей и истолкование в религиозном ключе определенных событий отечественной истории. Характерно и то, что представители российской политической элиты всячески демонстрируют приверженность РПЦ [8], в том числе, используя язык религии в публичной риторике.

Однако помимо этих процессов, подразумевающих реконфигурацию отношений между различными институтами и религией, можно говорить о существенных изменениях в сфере культуры современных секулярных обществ. Эти процессы тем интереснее, чем глубже процесс секуляризации изменил эти общества. Ведь, если речь идет о десекуляризационных процессах в Иране или Афганистане, то они не вызывают удивления: несмотря на недолгое существование там светских режимов и появление светской культурной и политической элиты, общество в этих странах оставалось религиозным. Но если мы имеем дело с западными обществами или обществом российским, то здесь десекуляризационные процессы в сфере культуры могут показаться неожиданными.

В секулярных обществах процесс размывания границ между религией и другими сферами социальной и культурной жизни связан не столько с активизацией традиционных конфессий, стремящихся увеличить своё влияние на другие институты и заявить о себе в публичной сфере, сколько с формированием и распространением альтернативной религиозности (или альтернативной духовности). Нынешняя альтернативная духовность – во многом, результат роста нетрадиционной религиозности в западных обществах в 60-е гг. XX века. Одним из элементов этого процесса было возникновение движения Нью Эйдж с присущим ему идейным эклектизмом, ориентацией на мистицизм и личный духовный опыт, неприятием организационного, авторитарного и дисциплинарного характера исторических религий.

Это движение, имевшее скорее характер культурного течения, оказалось созвучным мировоззренческим запросам секулярных обществ позднего модерна, переживающих кризис традиционных религий и идеологий. На нынешнем этапе исследователи, в частности, П. Хилас [9], говорят о том, что в качестве отдельного феномена движение практически утратило своё значение, зато стало едва ли не частью культурного мейнстрима, частью широко распространенных в массовом сознании секулярных обществ идей и представлений, по сути, вполне религиозных – т.е., имеющих отношение к «предельным вопросам», но не предполагающих идентификации приверженцев этих идей с традиционными религиями.

Каким образом, сказанное относится к проблеме размывания границы между религией и другими сферами социальной жизни? Речь идет о том, что идеи, имеющие своим истоком альтернативную духовность, находят свое применение в самых разных сферах – от науки до экономики.

Для альтернативной духовности характерно двойственное отношение к науке. С одной стороны, постоянной критике подвергается «официальная наука», что можно рассматривать в качестве одного из симптомов характерного для нынешних обществ недоверия к авторитетам. С другой стороны, постоянно осуществляются попытки сослаться на тех представителей науки, чьи идеи, в какой-то степени, соответствуют самой альтернативной духовности. В результате, формируется обширная сфера, обозначаемая исследователями как «псевдонаука», крайне пестрая содержательно и нуждающаяся в отдельном рассмотрении. Эта сфера настолько расширилась, что нередко сливается с официальной наукой.

Проявлением этой тенденции выступают и попытки придать научный статус различным «альтернативным» областям знания: уфологии, космоэнергетике, парапсихологии, валеологии, конспирологии, гомеопатии, астрологии и т.д. Те, кто занимается этими «науками», присваивает себе (в уже созданных и существующих организационных структурах, но часто – и в структурах вполне официальных) ученые звания, что вызывает шумные, но безрезультатные протесты представителей официальной науки, хотя некоторые из этих представителей сами участвуют в деятельности подобных структур.

Комплекс идей, связанный с Нью Эйдж и альтернативной духовностью, в значительной степени определяет нынешнюю повседневность: влияет на представления о правильном образе жизни, оздоровительные практики, воспитание детей и молодежи [10], способы решения смысложизненных и психологических проблем (срастание психологии и альтернативной духовности – отдельная тема), практики конструирования индивидуальной идентичности – достаточно упомянуть феномен современных духовных учителей, распространяющих свои идеи при помощи медиа и вполне рыночных механизмов продвижения товара. Однако для того, чтобы практиковать медитацию или заниматься другими формами самопознания и самосовершенствования, необязательно искать духовных наставников, рост их количества – всего лишь – зримое свидетельство наличия соответствующей потребности.

В экономическую сферу идеи, связанные с альтернативной духовностью, проникают через новые формы менеджмента, подразумевающие использование популяризированной в рамках альтернативной духовности идеи самореализации и раскрытия личностного потенциала, через попытки формировать систему коллективных корпоративных ритуалов и мифов, якобы способствующих укреплению корпоративного духа и росту эффективности деятельности. Другим проявлением слияния экономики и «новой духовности» является превращение потребления в форму личностной самореализации, что используется производителями соответствующих товаров. Можно упомянуть о том, что успех движения Нью Эйдж был связан, во многом, с его быстрой коммерциализацией.

Сохраняющейся на структурном уровне отделенности религии от других социальных институтов, ставшей результатом социокультурной дифференциации, на смысловом уровне сопутствует распространение идей, ориентированных на различные формы нового «духовного» синтеза. Изменения в культуре, связанные с динамикой религиозности в секулярных обществах, влияют в некоторой степени и на функционирование институтов, о чем свидетельствуют приведенные выше примеры.

Литература:

1. Heelas P., Woodhead L. *The Spiritual Revolution: Why Religion is Giving Way to Spirituality*. – Wiley, 2005. 226 p.
2. Гафатулина Н.Х. *Состояние институциональных субъектов, моделирующих социальное здоровье российской молодежи // Инженерный вестник Дона. 2014. Т. 28. №1. С. 75. URL: <http://ivdon.ru/magazine/archive/n1y2014/2296>.*
3. Berger P L *Secularization and de-secularization // Fletcher P, Kawanami H., Smith D, Woodhead I Religions in the Modern World Traditions and Transformations - Routledge, - 2002 – P. 291-298.*
4. Dobbelaere K, “*The Meaning and Scope of Secularization*” in *The Oxford Handbook of the Sociology of Religion*. Oxford University Press. 2011. P.601-613.

5. Верещагина А.В., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. Парадоксы толерантности и девиантное поведение молодежи // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2018. № 4. С. 32-37.
6. Casanova J *Rethinking Secularization A Global Comparative Perspective* // *The Hedgehog Review* -2006 -Vol 8 -No 1,2. P. 7-22.
7. Беликова Н.Ю. *Русская православная церковь и власть на юге России проблемы взаимоотношений (конец XIX – начало 40-х гг. XX вв.)* Монография / Saarbrücken, 2011.
8. Беликова Н.Ю. *Взаимоотношения государства и русской православной церкви в пореформенный период (на материалах юга России)* // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. 2014. № 95. С. 768-785.
9. Heelas P. *The Spiritual Revolution: from 'Religion' to 'Spirituality'*. In: *Religion in the Modern World*. – London: Routledge. - 2002. - P.412-437.
10. Shakhbanova M.M., Kasyanov V.V., et al. *The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society*. *Revista Inclusiones*. 2019. T. 6. № 2. С. 296-305.

Literature:

1. Heelas P., Woodhead L. *The Spiritual Revolution: Why Religion is Giving Way to Spirituality*. – Wiley, 2005. 226 p.
2. Gafiatulina N.Kh. *The State of Institutional Subjects Modeling the Social Health of Russian Youth* // *Engineering Journal of the Don*. 2014.V. 28. No. 1. S. 75. URL: <http://ivdon.ru/magazine/archive/n1y2014/2296>.
3. Berger P L *Secularization and de-secularization* // Fletcher P, Kawanami H., Smith D, Woodhead I *Religions in the Modern World Traditions and Transformations* - Routledge, - 2002 – P. 291-298.
4. Dobbelaere K, “*The Meaning and Scope of Secularization*” in *The Oxford Handbook of the Sociology of Religion*. Oxford University Press. 2011. P.601-613.
5. Vereshchagina A.V., Gafiatulina N.Kh., Samygin S.I. *Paradoxes of tolerance and deviant behavior of youth* // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2018. No. 4. P. 32-37.
6. Casanova J *Rethinking Secularization A Global Comparative Perspective* // *The Hedgehog Review* -2006 -Vol 8 -No 1,2. P. 7-22.
7. Belikova N.Yu. *The Russian Orthodox Church and the authorities in the south of Russia problems of relationships (late XIX - early 40s. XX centuries.)* Monograph / Saarbrücken, 2011.
8. Belikova N.Yu. *Relations between the state and the Russian Orthodox Church in the post-reform period (based on materials from the south of Russia)* // *Political Mathematical Electronic Scientific Journal of the Kuban State Agrarian University*. 2014. No. 95. S. 768-785.
9. Heelas P. *The Spiritual Revolution: from 'Religion' to 'Spirituality'*. In: *Religion in the Modern World*. – London: Routledge. - 2002. - P.412-437.

10. *Shakhbanova M.M., Kasyanov V.V., et al. The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society. Revista Inclusiones. 2019. T. 6. № 2. C. 296-305.*